

**НОВЫЕ ДАННЫЕ О КУЛЬТУРЕ САКОВ ЖЕТЫСУ:
краткие результаты полевых исследований 2020 г.
на территории г. Алматы**

© 2020 г. Арнабай Абишевич Нуржанов¹,
Гульнара Саиновна Джумабекова¹,
Галия Аппазовна Базарбаева¹

¹кандидат исторических наук, главный научный сотрудник, Институт археологии им. А. Х. Маргулана, г. Алматы, Казахстан. E-mail: arnabai@mail.ru;

¹кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник, Институт археологии им. А. Х. Маргулана, г. Алматы, Казахстан. E-mail: gdzhuma@mail.ru;

¹кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник, Институт археологии им. А. Х. Маргулана, г. Алматы, Казахстан. E-mail: galiya2002@gmail.com

Аннотация. В предлагаемой статье приводятся предварительные итоги раскопок кургана позднесакского времени на территории г. Алматы, проводившихся в полевом сезоне 2020 г. В отечественной историографии отложились многочисленные сведения о курганах раннего железного века, расположенных как в пределах южной столицы Казахстана, так и в ее окрестностях. О том, что у северных склонов Иле Алатау в эпоху ранних кочевников находились царские «герросы» и святилища, свидетельствуют многочисленные курганные могильники и случайные находки металлических изделий, называемых условно культовые или ритуальные атрибуты. Особенности наземного сооружения и внутримогильных конструкций кургана, исследованного в 2020 г., позволяет реконструировать важнейшие черты погребально-поминальной обрядности, представлений древних кочевников об устройстве мира. Обзор аналогий приводит к району Южного Урала, Приаралья, Алтая. Параллели указывают не только на схожие элементы погребального обряда (использование дерева, огня, дромос), но и на общность религиозно-мифологических воззрений, ритуальных действий. Предварительно курган датируется V–III вв. до н.э.

Ключевые слова: археология, Алматы, саки, курган, культура, ритуал, погребальный обряд

**ЖЕТІСУ САҚ МӘДЕНИЕТІ ТУРАЛЫ ЖАҢА МӘЛІМЕТТЕР:
2020 ж. Алматы аумағындағы далалық
зерттеулердің қысқаша нәтижесі**

Арнабай Әбішұлы Нұржанов¹, Гүлнар Сайынқызы Жұмабекова¹,
Галия Аппазқызы Базарбаева¹

¹тарих ғылымдарының кандидаты, бас ғылыми қызметкер, Ә. Х. Марғұлан атындағы Археология институты Алматы, Қазақстан. E-mail: arnabai@mail.ru;

¹тарих ғылымдарының кандидаты, жетекші ғылыми қызметкер, Ә. Х. Марғұлан атындағы Археология институты Алматы, Қазақстан. E-mail: gdzhuma@mail.ru;

¹тарих ғылымдарының кандидаты, жетекші ғылыми қызметкер, Ә. Х. Марғұлан атындағы Археология институты Алматы, Қазақстан. E-mail: galiya2002@gmail.com

Аннотация. Мақалада 2020 ж. жүргізілген далалық маусым кезінде Алматы қаласының аумағындағы кейінгі сақ обасының қазба жұмыстарының алдын ала нәтижелері келтірілген. Отандық тарихнамада Қазақстанның оңтүстік астанасының

шеңберінде және оның шеткері аймақтарында орналасқан ерте темір ғасырының обалары туралы көптеген мәліметтер сақталған. Іле Алатауының солтүстік бөктерлерінде ерте көшпенділер дәуіріндегі патша «герростары» мен ғибадатханалар табылғандығына көптеген обалар қорымы мен шартты түрде діни немесе жерлеу төлсіпаты деп аталатын кездейсоқ метал бұйымдар куә бола алады. 2020 ж. зерттелген жер үсті құрылыстары мен обаның ішкі қорымдық құрылмаларының ерекшеліктері жерлеу-еске алу салттарының маңызды сипатын, ежелгі көшпелілердің әлем құрылысы туралы түсініктерін қалпына келтіруге мүмкіндік береді. Үйлестіктерге шолу Оңтүстік Орал, Арал маңы, Алтай аудандарына апарды. Қатарластыра салыстыру тек қана жерлеу ғұрпындағы ұқсас элементтерді (ағашты, отты, дромосты қолдану) көрсетіп қоймайды, сонымен қатар діни-мифологиялық дүниетанымдағы, жерлеу әрекеттеріндегі ортақтастықты да көрсетеді. Оба шамамен б.д.д. V–III ғғ. мерзімделеді.

Түйін сөздер: археология, Алматы, сақтар, оба (қорған), мәдениет, салт, жерлеу салты

NEW DATAS ON THE SAKA CULTURE OF JETYSU: brief results from the field research of 2020 around Almaty

Arnabay A. Nurzhanov¹, Gulnara S. Jumabekova¹,
Galiya A. Bazarbayeva¹

¹Candidate of Historical Sciences, Chief Researcher, A. Kh. Margulan Archeology Institute, Almaty, Kazakhstan. E-mail: arnabai@mail.ru;

¹Candidate of Historical Sciences, Leading Researcher, A. Kh. Margulan Archeology Institute, Almaty, Kazakhstan. E-mail: gdzhuma@mail.ru;

¹Candidate of Historical Sciences, Leading Researcher, A. Kh. Margulan Archeology Institute, Almaty, Kazakhstan. E-mail: galiya2002@gmail.com

Abstract. The proposed article provides preliminary results of excavations of the late Saka period mound in the territory of the city of Almaty, conducted in the field season of 2020. In the national historiography, a lot of information can be found about the Early Iron Age kurgans, located both within the southern capital of Kazakhstan and in its surroundings. The fact that there were royal “herros” and sanctuaries on the northern slopes of Ile Alatau during the time of the early nomads is evidenced by numerous kurgan cemeteries and occasional finds of metal objects, conventionally termed cult or ritual attributes. Characteristics of the above-ground structure and inner design of burials within the mound, studied in 2020, make it possible to reconstruct the most important features of the funeral rite, perceptions of ancient nomads about the world order. An overview of analogies leads us to the regions of the Southern Urals, Aral Sea, Altay. The similarities point not only to elements of the funeral rite (the use of wood, fire, dromos), but also to common religious and mythological views, ritual performances. The mound is preliminary dated to the 5th–3rd c. BC.

Keywords: archaeology, Almaty, Saka, kurgan, culture, ritual, funeral rite

Введение

Алматы – город, раскинувшийся у подножия северных склонов Иле Алатау, имеет богатую историю. Особенностью данной местности были многочисленные курганы. Впервые изучением древностей этой части Жетысу занимался археолог Б. Н. Дублицкий (подробнее см.: [Самашев и др., 2005; Бейсенов и др., 2017; Джу-

мабекова, Базарбаева, 2019]). Памятники раннего железного века Алматы изучались в разные годы. Это были исследования, направленные как на изучение отдельных случайных находок, так и на проведение систематических исследований, связанных с проведением раскопок или подготовкой документации для Свода памятников

(библиографию по истории изучения случайных находок Жетысу см.: [Металлические котлы..., 2017]).

В полевом сезоне 2020 г. сотрудниками Института археологии им. А. Х. Маргулана начаты исследования курганов раннего железного века на территории Наурызбайского района г. Алматы в виду угрозы их полного разрушения. В раскопках принимали участие: Т. Н. Лошакова, И. Камалдинов, А. Тулегенов, М. Алтаев, А. Оразай, Н. Мәлік, Г. Калдыбаева, Ж. Уралбаева, М. Калыков. Пользуясь случаем, выражаем им искреннюю признательность. Также благодарим профессора Казахского Национального технического университета им. К. И. Сатпаева – Т. Д. Кшибекова за проявленную активную гражданскую позицию, выразившуюся в деле спасения курганов от их физического уничтожения. Именно он открыто, на страницах газет [На костях предков, Интернет-ресурс] изложил суть проблемы, а также сообщил в Институт археологии им. А. Х. Маргулана – директору К. М. Байпакову.

Курганная группа на данном участке была зафиксирована сотрудниками Института «Казпроектреставрация» (рук. Ф. П. Григорьев) в 1984 г., и позже в 2016 г. сотрудниками Института археологии им. А. Х. Маргулана (рук. А. А. Горячев). В 2013 г. строительство на участке, занятом садом и предназначенном для строительства, решением выездного суда Карасайского района было остановлено, с 2016 г. он вошел в границы города Алматы. Могильник находится в междуречье Каргалы (Каргалинка) и Б. Алматинки.

По месту нахождения объекта памятник получил название Таугуль-3.

Могильник первоначально состоял из цепочки курганов, вытянутых по линии С–Ю вдоль р. Каргалы. Это один из многочисленных курганных могильников эпохи ранних кочевников, располагавшихся в предгорной части Иле Алатау. В настоящее время сохранилось четыре кургана. Из них исследован курган № 2 и начаты исследования кургана № 1 в южной части могильника, два кургана сохранились на частной территории южнее курганов № 1 и 2, один уничтожен в сентябре 2020 г.

В XX в. здесь был разбит сад и построены дачи. В связи с этим верхушка кургана № 2 оказалась срезанной, восточная и северная полы кургана засыпаны мусором, повреждены, южный курган № 1 – значительно разрушен (рис. 1).

Описание материала

Изученный курган № 2 (диаметр 31,50–31,80 м, сохранившаяся высота 2,6 м) полусферический, грунтовая насыпь была укреплена «панцирем» из валунов средних размеров, уложенных в один слой. Выявлена также «дорожка», сооруженная из валунов преимущественно средних и небольших размеров у подножия кургана. Она имеет четкие границы из выложенных на уровень древней поверхности в один слой камней, валуны уложены горизонтально. По контурам «дорожки» находились более крупные валуны, в заполнении – более мелкие, они лежат на- и в твердом плотном однородном суглинке серо-желтого цвета, которым, вероятно, укрепляли и выравнивали «дорожку». Ширина ее в среднем составляет 1,00–1,25 м. Расстояние от камней «панциря» до «дорожки» составляет 30–85 см, в за-

Рис. 1. Могильник Таугуль-3. Участок с курганами № 1, 2. Фото М. Калыкова

Fig. 1. Taugul-3. Site with kurgans no. 1, 2. M. Kalykov's photo

падной части кургана камни панциря «наползают» (перекрывают частично) валуны «дорожки» (рис. 2–3).

В стратиграфии насыпи чётко прослеживаются три слоя, свидетельствующих о поэтапном строительстве кургана, который возведен на предварительно подготовленной площадке.

В основании кургана по ровному слою серого суглинка толщиной от 3 до 10 см фиксируется выровненная и утрамбованная площадка, предназначенная для его возведения. В центральной части кургана фиксируется слой плотного, однородного темного, серо-коричневого суглинка. Он перекрыт слоем более рыхлого суглинка, представленного пламевидными линзами светлого и темного коричневого цвета. Вероятно, он отражает этап смешения грунта, извлеченного при выкапывании могильных ям (выкид из могильных ям), и привнесенного извне гумусированного грунта. Это слой валиком, накладывающимся на предыдущий слой, оконтуривает его, является более поздней подсыпкой.

Оба нижних слоя перекрыты серо-желтым плотным суглинком. По краям кургана над камнями панциря фиксируется рыхлый гумусированный грунт темно-коричневого цвета.

В курганной насыпи зафиксированы два поздних впускных безинвентарных захоронения.

В центре и северной половине кургана выявлены три смежных конструкции по линии С–Ю, выстроенных на одной меридиональной линии (рис. 4). В центре кургана на уровне погребенной поверхности находилась конструкция № 1 - прямоугольное в плане сооружение (ограда), вытянутое длинной стороной по линии В–З. Оно образовано положенными в один ряд крупными валунами, размеры его составили 3,90×6,70 м. Камни сооружения были закопаны с внутренней стороны, по внутреннему периметру.

Над этой конструкцией были расположены одна над другой два захоронения собак. Третье захоронение собаки (рис. 5) было выявлено над началом дромоса (южной его оконч-

Рис. 2. Могильник Таугуль-3. Курганы № 1, 2. Фото М. Калыкова
Fig. 2. Taugul-3. Kurgans no. 1, 2. M. Kalykov's photo

Рис. 3. Могильник Таугуль-2. Курган № 1. Фото М. Калыкова
Fig. 3. Taugul-3. Kurgan no. 1. M. Kalykov's photo

ности), идущего наклонно в южном направлении вверх от стенки конструкции № 1 (длина 4,2 м). В начале и окончании дромоса были положены валуны, на дне его выявлены следы прокала.

Внутри конструкции № 1 на уровне погребенной поверхности выявлено захоронение человека, брошенного ничком, головой на юг, руки согнуты, кисти рук перед лицом, с согнутыми ногами, с небольшим откло-

Рис. 4. Могильник Таугуль-2. Курган № 2 после окончания раскопок.
Фото Б. Бесетаева

Fig. 4. Taugul-3. Kurgan no. 2 after the end of excavations. B. Besetayev's photo

Рис. 5. Могильник Таугуль-2. Курган № 2. Конструкция № 1. Захоронение собаки.
Фото М. Калыкова

Fig. 5. Taugul-3, k. 2. Construction no. 1. Burial of the dog. M. Kalykov's photo

нением к востоку, без сопроводительного предметного комплекса (поза адорации?) (рис. 6). Внутри конструкции находилась яма с заполнением из валунов и галечника, с мощным слоем

прокала (красной обожженной глины) в ее восточной части, мелкие фрагменты кальцинированных костей и керамических сосудов. Границы ямы оконтурены по внутреннему периметру

*Рис. 6. Могильник Таугуль-2. Курган № 2. Конструкция № 1. Захоронение человека.
Фото М. Калыкова*

Fig. 6. Taugul-3, k. 2. Burial of a person. M. Kalykov's photo

тру ограды. В яме не выявлены какие-либо костные останки человека. Восточная половина ямы от уровня погребенной поверхности до дна была заполнена плотным нагромождением валунов различных размеров, верхние из которых были закопчены (рис. 7). В середине этого нагромождения камней наблюдается продольный завал/провал камней, заполненный сильно прокаленной глиной красного кирпичного цвета, достоящей до уровня камней ограды. Вдоль всех стенок ямы выложены в ряд валуны на разной высоте. Вдоль южной стенки ямы камни – галечник уложены аккуратно в один ряд. В центре ямы находилась округлая в плане площадка, ооконтуренная своеобразной оградой шириной 0,75–1,0 м, образованной из уложенных в несколько слоев валунов разных размеров. Пол площадки – плотный прокаленный суглинок.

Характерный красноватый оттенок является свидетельством прокала, последствием разжигания костра/огня, температура которого могла достигать 600–800° С (консультация В. М. Чарлина. Пользуясь случаем, выражаем реставраторам Чарлиным – Владимиру Михайловичу и Любове Филипповне, а также Кырым Алтынбекову искреннюю благодарность за ценные советы и консультации). Высота ограды составила – от 0,53 до 1,07 м. Камни ограды вокруг площадки в центре на дне ямы лежат в- и на подсыпке из темного серо-коричневого рыхлого грунта, включающего кусочки глины, прокала, угольков. В целом создавалось подобие очага на полу в центре ямы конструкции № 1. Глубина ямы – 1,42 м. Устье дромоса входило в южную стенку ямы, видимо, пробивая ее у дна.

От площадки в центре конструкции к западной стенке ямы (не упира-

Рис. 7. Могильник Таугуль-2. Курган № 2.
Конструкция № 1. Фото М. Калыкова

Fig. 7. Taugul-3, k. 2. Construction no. 1.
M. Kalykov's photo

ясь в нее) тянется канавка, образованная в насыпанном на дно ямы рыхлом грунте, залитым сверху однородной глиной; она заполнена галечником с рыхлым грунтом, смешанным с кусочками прокала и угольками, кальцинированными фрагментами костей. Сверху над канавкой была сооружена прямоугольная в плане усеченно-трапециевидная насыпь из такого же смешанного рыхлого грунта, также залитая сверху глиной. Возможно, эта канавка служила своеобразным воздухопроводом, каналом для создания тяги. В целом дно в западной части

ямы за пределами ограды покрыто слоем рыхлого грунта с угольками, кальцинированными мелкими фрагментами костей и сверху залито однородной глиной. В северо-западном углу ямы внутри конструкции фиксируется не залитый глиной участок размерами 60×80 см.

От западной стенки ограды конструкции № 1 в западном направлении фиксировалась полоса камней длиной 5,40 см (уложенных в один слой), с понижением от западной оконечности на уровне погребенной поверхности в восточном направлении к стене ограды. У западной стенки ограды, в устье этой полосы, камни отсутствовали, здесь зафиксировано пятно из галечника, уложенного в один слой в виде овала размерами 62×65 см, ниже камней ограды (30 см), в нем отмечено несколько мелких кальцинированных костей; общая длина составила 6,30 м. Таким образом, полоса камней оказалась ложным дромосом, его имитацией. Имитация дромоса прослеживается в пределах окологурганной дорожки, под курганной насыпью.

В 10–15 см севернее конструкции № 1 находится конструкция № 2 – прямоугольная в плане ограда, вытянутая длинной стороной по линии В–З, образованная крупными валунами, уложенными в среднем в четыре ряда, упорядоченно плотно друг к другу на уровне погребенной поверхности, заполнение между ними

– плотная однородная глина (рис. 8). Размеры ее 2,30×5,0 м. Ширина стенок ограды – 30–110 см. Внутри ограды над могильной ямой на уровне погребенной поверхности зафиксированы остатки конструкции из валунов, размерами 1,10×1,80 м, высотой 1,0 м, с грунтом, смешанным с угольками и прокалом. Можно предположить, что первоначально оно имело вид куполообразного сооружения.

Внутри ограды выявлена могильная яма глубиной 1,74 м. По продольным стенам ямы сделаны уступы, на которые первоначально были уложены поперечно яме бревна ели в количестве 8 шт., диаметром 15–27 см, которые на концах были дополнительно закреплены валунами и глиной. Под тяжестью вышележащих крупных валунов и грунта бревна перекрытия обрушились. Погребение оказалось ограбленным.

Смежная с конструкцией № 2, примыкающая с южной стороны, кон-

струкция № 3, также имела прямоугольную в плане форму, ограда сложена из валунов и галечника в один слой и один ряд (рис. 9, 10). Расположенная внутри ограды могильная яма (ширина – 0,90 м, длина – 1,90 м) оказалась ограбленной. Она была перекрыта поперек жердями в количестве 7 шт. диаметром 8 см. Внутри ямы сохранились остатки расположенной на дне конструкции, сооруженной из жердей диаметром 6–8 см, предположительно типа рамы, и камней в заполнении. Вдоль продольных стенок ямы в придонной части выложены в один ряд мелкие камни, галечник. Глубина – 1,20 м (рис. 11–12).

В виду сильного разграбления могил, трудно сказать как были ориентированы погребенные, можно лишь отметить, что наиболее пострадавшей была западная часть ям, по аналогиям с курганными погребениями эпохи ранних кочевников можно предположить их западную ориентировку.

Рис. 8. Могильник Таугуль-2. Курган № 2. Конструкция № 2. Фото М. Калыкова

Fig. 8. Taugul-3, k. 2. Construction no. 2. M. Kalykov's photo

Рис. 9. Могильник Таугуль-2. Курган № 2. Конструкция № 3 в процессе раскопок.
Фото М. Калыкова

Fig. 9. Taugul-3, k. 2. Construction no. 3 in the process of excavation. M. Kalykov's photo

Рис. 10. Могильник Таугуль-2. Курган № 2. Конструкция № 3. Фото М. Калыкова

Fig. 10. Taugul-3, k. 2. Construction no. 3. M. Kalykov's photo

Таким образом, начато изучение кургана, содержавшего изначально два погребения и, вероятно, ритуальный комплекс (южная конструкция № 1),

представляющий информацию о длительном погребально-поминальном цикле ранних кочевников Жетысу.

Рис. 11. Могильник Таугуль-2. Курган № 2. Конструкции. Фото М. Калыкова

Fig. 11. Taugul-3, k. 2. Constructions. M. Kalykov's photo

Рис. 12. Могильник Таугуль-2. Курган № 2. Фото М. Калыкова

Fig. 12. Taugul-3, k. 2. M. Kalykov's photo

Обсуждение материала

Предположительно, предварительно для возведения кургана готовили площадку. Помимо разметки, поверхность выравнивали, вероятно, утрамбовывали, что фиксируется по

четкой линии серого суглинка в стратиграфическом разрезе, отделяющей материк и наземное сооружение.

Три слоя насыпи в наземной части кургана свидетельствуют о его поэтапном возведении, которое за-

вершилось укреплением склонов насыпи слоем валунов. Вызывает интерес оконтуривающий курган элемент в виде круга из горизонтально уложенных плотно валунов, усиленных глиняной подсыпкой. По аналогии с известными исследованными курганами Жетысу, можно назвать ее «ритуальной дорогой». Какой этап сооружения кургана и проведения цикла поминальных ритуальных действий представляла укладка этой «дороги», сейчас сказать невозможно. Многочисленные фрагменты керамических сосудов и костей животных, выявленных среди камней панциря и «дороги», позволяет предположить, что после или в процессе поминовения умерших, тризны, посуду разбивали на кургане.

Наличие вокруг кургана «ритуальной дороги», маркирующей, ограничивающей границу «сакрального пространства», позволяет предположить, что исследуемый объект одновременно представлял собой не только захоронение, а также ритуальный комплекс.

Представляет интерес сильный проквал, следы огня в самой большой – южной конструкции кургана – № 1. Можно предположить, что в процессе проведения ритуалов осуществлялось очищение погребального комплекса огнем. На свободной от камней округлой площадке в центре ямы разводился огонь/костер, пламя которого поднималось до верхнего края ямы, до камней ограды на уровне погребенной поверхности. Камни конструкции – ограды и заполнения ямы в верхней части были черными от копоти. Пламя, направленное в восточную часть ямы, оставило прокаленную докрасна глину среди камней заполнения ямы.

Возможно, направленный к западной стенке канал на дне ямы, позже заполненный галечником и грунтом, служил воздухопроводом. Вероятно, конструкция № 1 представляла собой не могилу, а ритуальный элемент комплекса.

Воронки в насыпи кургана зафиксированы не были, что позволяет предположить, что ограбление курганов могло быть ритуальным, по прошествии определенного времени, в цикле погребально-поминальных обрядов. О том, что погребальные камеры некоторое время могли стоять открытыми, свидетельствуют выявленные параллели в синхронных памятниках Великого пояса Степи, в ряде памятников скифо-сакского круга.

Деревянные конструкции, использование дерева в погребальном сооружении характерно для ранних кочевников не только Жетысу, но и других регионов Казахстана. Также для позднесакского-усуньского времени характерно сооружение каменных кольцевых выкладок вокруг могил, забутовка камнями (валунами) могильных ям до верхнего края.

Подобная «ритуальная дорога» была выявлена в процессе исследования кургана № 1 могильника Джувантобе/Жоан Тобе (Алматинская обл., 12 км северо-восточнее с. Чилик/Шелек) в 2008 г. Наиболее крупный северный курган был окружен каменной дорогой. По краям ее были уложены на подготовленную поверхность более крупные валуны, заполнение – плотно утрамбованная глина со щебнем [Самашев и др., 2009; Гасс, 2011, с. 67–68].

Сходные конструктивные особенности зафиксированы на других памятниках Жетысу. Могиль-

ник Кыргауылды-I (Алматинская обл.), расположенный у северных склонов Иле Алатау. Один из трех доминирующих курганов, исследованных в 2018 г., был опоясан «ритуальной дорогой» [10-летие..., Интернет-ресурс].

Можно назвать могильник Турген (Енбекшиказахский р-н, Алматинская обл.). Исследование показывает, что курганы ранних кочевников – не только погребальные сооружения, но и сложные ритуальные комплексы, о чем свидетельствуют определенные конструктивные элементы и многокомпонентность памятников. Курганы могильника имеют параметры: диаметр от 22 до 70 м, высота – от 3–4 до 9–10 м. Показательным является курган № 3: помимо панциря, курган был окружен 41 конструкцией в виде скопления камней, диаметром 1,5–6,3 м. В 30 м от подошвы кургана зафиксирована ритуальная «дорога» шириной около 3 м. Помимо размеров камней, границы и заполнение «дороги» маркировалось/разделялось цветовой дифференциацией. Также в 26 м от ритуальной «дороги» и в 61 м от подошвы кургана было выложено кольцо диаметром до 200 м из серых камней средних и крупных размеров. Конструктивные элементы и цветосимволика кургана № 3 позволило сделать вывод о том, что он представлял собой ритуальный комплекс.

Курганы могильника Асы Зага (Асы Сага) (Енбекшиказахский р-н, Алматинская обл.) имеют параметры: диаметр от 40 до 148 м, высота от 2,5 до 21 м. Наиболее крупный северный курган № 1, с каменным панцирем, имеет ритуальную «дорогу» по внешнему краю шириной 5 м, увеличивая общий диаметр сооружения до

252 м. Здесь также соединено маркирование элементов кургана параметрами и цветом: по краям «дорога» была ограничена круглыми камнями красно-розового оттенка, заполнение – утрамбованные мелкие камни и глина. Между курганной насыпью и ритуальной «дорогой» зафиксирована 21 каменная конструкция в виде малых курганов.

Такая же ритуальная «дорога» выявлена вокруг кургана № 3, имевшего вид усеченной пирамиды, в 17 м от подошвы сооружения. Она в целом ориентирована углами по сторонам света и имеет ширину 2,5 м. Курган № 4, укрепленный каменным панцирем, в 20 м от подошвы был окружен ритуальной «дорогой» шириной 2 м, также зафиксированы четыре малых кургана.

Объясняются такие конструктивные особенности погребально-поминальных комплексов спецификой религиозных представлений и связанных с ними ритуалов саков [Гасс, 2011, с. 63–67].

В настоящее время можно подвергнуть сомнению вывод автора о том, что «северные склоны Заилийского Алатау не являлись основной зоной расселения родов, племен и племенных объединений носителей сакской культуры». Но очевидно, что курганные могильники с захоронениями представителей сакского общества, в том числе в наиболее крупных курганах, являлись сакрализованными или «сакральными участками» [Гасс, 2011, с. 68].

В отношении кургана № 1 могильника Жоан Тобе сделано наблюдение, что более высокая центральная часть околочурганной конструкции обеспечивала водосток в период дож-

дей, она носила явные признаки «дороги», то вероятно, что была построена не в практических, а в ритуальных целях. Если принять во внимание выявленную закономерность – размеры «дороги» были всегда строго пропорциональны параметрам кургана, то можно объяснить, вероятно, небольшую ширину и близость «дороги» к полам кургана № 2 могильника Таугуль-3 [Парцингер и др., 2015, с. 93–94].

О том, что комплексы эпохи ранних кочевников оставались сакральными местами и в более позднее время, свидетельствуют такие факты, как сооружение у подножия курганов погребений, малых курганов кочевниками последующих эпох. Так было у крупных курганов Жоан Тобе и могильника Берел [Сорокин, 1969; Самашев и др., 2009; Парцингер и др., 2015; Самашев, 2011, с. 38–39, 95, 98, 103–114].

Сам погребальный обряд находит параллели также в комплексах Жетысу: могильник Кызылбулак-IV (Енбекшиказахский р-н, Алматинская обл.), курган № 1 – камни насыпи, на стороне, обращенной к погребенной поверхности, имели копать как и сама грунтовая поверхность – следы зольников и горевшей органики. Под курганом находилось два захоронения. В них выявлены деревянные рамы на дне. Курган № 2 окольцовывала двойная каменная ограда. Здесь также выявлено две могилы с деревянными конструкциями, одна из них забутована большими камнями.

В могильнике Тургенъ-II (Енбекшиказахский р-н, Алматинская обл.), курган № 1 также зафиксирована деревянная конструкция и забутовка крупными камнями могилы, и два

детских захоронения Ориентировка погребенных головой в общем на запад. Радиоуглеродное датирование дало дату памятника IV–III вв. до н.э., однако анализ предметного комплекса позволил несколько омолодить его до III–I вв. до н.э., что опять говорит о необходимости рассмотреть памятники саков и усуней и их культурно-хронологическую атрибуцию [Горичев, 2007].

Могильник Каратума (Енбекшиказахский р-н, Алматинская обл., IV – начало II в. до н.э.) выявил характерные черты обряда для ранних кочевников – погребенные уложены вытянуто, головой на запад. Зафиксировано использование древесины при устройстве погребального сооружения, вероятно, в качестве перекрытия. Выявлены: насыпь с включениями мелких камней, каменная крепида, факт устройства под насыпью нескольких погребений – в четырех ямах. Курганы вытянуты также по линии С–Ю [Байпаков и др., 2016, с. 666–668].

Несомненный интерес и тщательный анализ требуют материалы могильника Улжан (г. Алматы, V–IV вв. до н.э.). Многослойные насыпи курганов (№ 3–5), возведенных с использованием битой глины, глиняной обмазки, конструкция, сооруженная первоначально из этого материала (породы) и возвышающаяся над могильной ямой (к. 4); перекрытие ямы бревенчатым накатом со следами его горения и дромос с северной стороны, в котором обнаружен скелет собаки с каменным подголовником (к. 5) – всё это указывает на существование основных устойчивых принципов строительства курганов и проведения погребально-поминальных обрядов.

Замечательным также является нахождение медного котла над могильной ямой в нарушенном слое на высоте 2 м над уровнем погребенной поверхности при высоте кургана 4,5 м [Амиров, 2008; Байпаков, Воякин, 2014, с. 122–125]. Этот факт невозможно однозначно трактовать как обычное ограбление.

Если устройство погребальных конструкций наводит на вопрос об устойчивых архитектурных и строительных традициях ранних кочевников, то археологическое исследование поселений позволяет ответить на него. Выявлено, что основной формой жилищ этого периода в регионе были полуземлянки каркасно-столбовой конструкции. В безлесных районах Северо-Восточного Жетысу и в Шу-Илейских горах основания фундаментов жилищ выполнены в виде каменных выкладок из плитняка или речных валунов, перекрытие - ветви деревьев, камыш, шкуры животных. На северных склонах Иле и Кунгей Алатау, покрытых лесом, жилища возводили из дерева.

Выявлена традиция плотно утрамбовывать полы стоянок глиной для защиты жилища от грунтовых вод. Также применялся прием сооружения подпорок, используя речные камни и глину вокруг опорных столбовых конструкций. Вход в жилище устраивался с восточной стороны [Горячев, 2019, с. 90–91].

Надо отметить, что несколько ямок (семь) от столбов диаметром 4–4,5 см были выявлены вдоль южной стенки ограды конструкции № 1 с наружной и внутренней стороны (в устье дромоса), а также внутри ограды по центру, что позволяет предположить использование столбовой конструкции.

Соединение таких элементов, как яма, дерево (сруб) и дромос можно отметить в памятниках ранних кочевников Внутреннего Тянь-Шаня – могильник Кеден (Нарынский р-н, Кыргызская Республика). Выявлено, что в курганах, укрепленных двумя каменными панцирями с прослойкой из земли, деревянные срубы из арчовых бревен были опущены в могильную яму. Но символично то, что в срубных конструкциях памятника выявлены входы и дромосы, обозначенные в восточной стене срубов. На основании расположения дромосов, их уровня относительно пола сруба, сделано предположение о том, что в двух случаях ложе дромоса прокладывали в насыпи кургана, таким образом, это были имитации дромосов. Возможно, «они являлись символическими входами и доро́гой в потусторонний мир» [Ташбаева, 2018, с. 72–76]. Таким образом, имитации дромосов, использовавшиеся в погребально-поминальной обрядности, известны в культуре ранних кочевников. Наличие имитации дромоса в могильнике Таугуль-3, возможно, связано с более древними традициями, прослеживаемыми в раннесакский период для ряда памятников восточной части степной Азии.

Некоторые параллели элементов погребальных конструкций выявлены в памятниках Южного Приуралья: в ряде курганов V в. до н. э. по периметру или в центре кургана зафиксированы каменные кольца, перекрытие погребальных камер из бревен и др. деревянные конструкции, в разрыве вала с южной стороны дромосы [Очир-Горяева, 2012, с. 243–245].

Так, в могильнике Бесоба (Мартукский р-н, Актюбинская обл.), содержащем захоронения представите-

лей родоплеменной знати VI–IV вв. до н. э., в кургане № 9 с коллективным захоронением находилась конструкция из горизонтально сложенных бревен, опирающихся на вертикально установленные бревна [Кадырбаев, 1984, с. 89]. С южной стороны к площадке внутри бревенчатого сооружения подведен дромос. В наиболее крупном кургане № 23 могильника Лебедевка-1 (Сегизсай) (Шынгырлауский р-н, ЗКО) выявлен дромос, направленный в южный сектор [Сдыков, 2008, с. 88–89].

Могильник Шпаки II (Каргалинский р-н, Актюбинская обл., конец VI – V в. до н.э.), курган № 3 демонстрирует использование камня и дерева – сложенное из камня надмогильное сооружение, над могилой было деревянное перекрытие. Курган № 4 – здесь выявлены три погребения и дромос, подведенный к южной стенке могильной ямы [Дуйсенгали и др., 2017, с. 40–41].

Под курганом № 12 могильника Переволочан I (Зауральская Башкирия, 2 половина IV – рубеж IV–III вв. до н.э.) выявлено пять погребений. В центральное погребение № 5 – округло-овальная погребальная камера – с южной стороны входил дромос. Над центральной могилой возведена радиальная конструкция из бревен – «шатровое» перекрытие [Сиротин, 2014, с. 152].

Все авторы в целом сходятся во мнении, что на Южном Урале дромосные погребения выделяются в группу элитных комплексов. Новые черты погребальной обрядности у элиты кочевников Самаро-Уральского региона – в могилах с дромосами, простых грунтовых ямах с южной ориентировкой погребенных конца VI – V в.

до н.э. связываются с приходом элитарных групп кочевых объединений лесостепного и степного Зауралья и из Центральной Азии, в частности, с движением кочевников Южного и Юго-Восточного Казахстана с начала V в. до н. э. Именно горные долины Жетысу являлись не только зоной активных контактов в сакское время, а также исходной точкой миграции части племен на запад и северо-запад. Большая часть дромосных погребений датируется в пределах конца V – IV в. до н.э. [Дуйсенгали и др., 2017, с. 40–42; Гуцалов, 2007, с. 91; Исмагилов, 1996; Мышкин, 2011; Сиротин, 2014, с. 153; Яблонский, 2011, с. 238].

Также в подтверждение археологических данных Л. Т. Яблонский считал, что выделенная Т. А. Чикишевой южная евразийская антропологическая формация вследствие спорадических миграций в эпоху ранних кочевников по всему ареалу Южной Сибири и Алтая, постепенного расширения ареала носителей этого типа на запад и северо-запад, происходила антропологическая диффузия в расовую среду степного и лесостепного населения Южного Урала. В период конца V – начала IV в. до н.э. в авангарде таких мигрантов шли их элитарные группы. К V–IV вв. до н.э. в Южном Приуралье произошла культурная трансформация и сформировался антропологический тип восточных европеоидов [Яблонский, 2014, с. 253–255].

Подтверждением миграционного характера позднесарматской культуры служит, например, погребение кургана № 4 могильника Каратобе в Западном Казахстане (III в. н.э.). В ходе выборки заполнения могильной ямы было расчищено просевшее деревян-

ное перекрытие, сложенное из жердей. Предметы из сопроводительного комплекса – медная курильница и биметаллический нож демонстрируют культурные и торгово-экономические связи населения Южного Приуралья и Средней Азии в позднесарматское время, миграционный характер позднесарматской культуры и формирование ее под влиянием выходцев из Средней Азии [Сейткалиев, 2014, с. 142, 147].

Курганы Филипповского I могильника имеют ряд особенностей, не являющихся прямыми аналогиями объекту из могильника Таугуль-3, однако, на наш взгляд, обладающих характерными признаками. Так, в кургане № 11 от южного борта могильной ямы отходил коридорообразный вход-дромос, в центре ее, напротив устья дромоса, зафиксирован очаг-жертвенник. Камера, дромос перекрыты бревнами тополя.

Такие же элементы – дромос, направленный в юго-восточную сторону от погребальной камеры, перекрытие бревнами тополя, прослежены в кургане № 13. Здесь также в обряде большую роль играл огонь – бревна были сожжены, сильно прокаленные слои насыпи над ними содержали большие куски глиняного шлака. В центре камеры, на полу, напротив устья дромоса находился глинобитный очаг. Погребальная камера кургана № 16 также имела дромос, отходящий на юг, перекрытие из бревен было сожжено. Кроме того, выявлено два подземных хода к погребальной камере кургана № 13 с восточной и западной сторон. Курган № 26 содержал дромос, отходящий в южную сторону от погребальной камеры; курган № 28 – содержал пять скелетов человека и подземный ход с юго-востока.

На поверхности древнего горизонта под курганом № 15 выявлен глинобитный очаг. Вокруг него располагались на поверхности горизонта 10 скелетов. Курган № 4 содержал пять могильных ям. Центральное погребение 5 в виде ямы с коридорообразным дромосом, отходящим на юг, перекрыто бревнами в радиальном направлении. Также дерево и нижние слои насыпи сильно прокалены. Ограблено дважды, в том числе в древности. Датировка для всех курганов могильника – вторая половина V – IV в. до н.э.

Помимо того, что на могильнике Филипповка I зафиксированы основные компоненты погребального обряда, схожие с зафиксированными в могильнике Таугуль-3 (дромос с южной стороны, перекрытие могильной ямы деревом, использование огня), возможно, наши предположения о ритуальном характере дромоса-коридора подтверждаются выводами специалистов: «...подземные ходы Филипповки составляли часть погребального ритуала, а не были оставлены грабителями», имеют ритуальный характер [Яблонский, 2008, с. 254, 255, 260, 262].

К более раннему – раннесакскому периоду – приводит поиск аналогий погребальному обряду в районы Приаралья. Среди них можно назвать (могильник Южный Тагискен) деревянные перекрытия могильных ям, иногда подоженные, опорные столбы. Зафиксированы камеры с длинными входами-дромосами с юго-восточной стороны. Выявленные кольцевые выкладки и насыпи в подножии курганов воспринимаются как одно из связующих звеньев погребального обряда саков и андроновцев от Памира и Восточного Туркестана до Приаралья

и Южного Урала [Итина, Яблонский, 1997, с. 28-37; Лукпанова, 2017].

Еще ранее К. А. и А. К. Акишевы отмечали, что в Семиречье и Приаралье отмечается взаимное сходство культур сакской эпохи, «консерватизм» культур и традиционность, существование наряду с более поздними реалиями архаичных элементов с раннесакского времени (X–VIII вв. до н.э.). Для сакской эпохи традиционность в культурах Семиречья и Приаралья доказывает их родство и стабильное развитие в одном направлении, взаимодействие их друг с другом [Акишев К.А., Акишев А.К., 1978, с. 50–51].

Относительно традиции подзахоронения собак высказываются различные точки зрения, основанные на анализе погребальных конструкций, погребального обряда населения территории скифского/сакского мира. Прослеживается культ собаки-стража – проводника в подземный мир [Гуцалов, 2005, с. 442]; собаки выступали в роли жертвенных животных и апотропеев; предполагается захоронение собак в связи с боязнью преследования душ казненных [Папанова, 2004]; связь с культом женского начала и плодородия; символическая охрана (сопровождение) погребенного в царстве мертвых [Синика, 2006, с. 59]; собаки и кони обладали в погребально-поминальной обрядности особым статусом медиаторов – переводчиков из одного мира в другой [Хршановский, 2000]; акт совершения жертвоприношения собаки в ходе ритуала, в который входило ограбление могилы, стремление задобрить дух потревоженного [Троицкая, Шишкин, 2004].

Не исключено, что ритуал захоронения собаки связан с принесени-

ем жертвы после нарушения могилы. Жертвоприношения животных, совершенные непосредственно у нарушенных могил, имели характер оберега. Предполагалось, что таким образом создавалась преграда, защищающая живых от неблагоприятного влияния нижнего мира. Таким образом, совершался ритуал, в который входило и «ограбление» могилы, и стремление задобрить дух потревоженного, содержал акт совершения жертвоприношения собаки.

Считаем, что и в случае, зафиксированном в кургане № 2 могильника Таугуль-3, можно говорить о ритуальном «ограблении» комплекса, захоронении собак с целью успокоения духов потревоженных лиц. Предполагая ритуальное ограбление могил в кургане № 2 могильника Таугуль-3, можем допустить, что и здесь захоронение в общей сложности трех собак входило в цикл погребально-поминальной обрядности, в ритуал жертвоприношения собак после «ограбления» могил.

Особую роль в мифо-ритуальной практике ранних кочевников занимает огонь. На основе анализа особенностей погребального обряда древних кочевников предполагается наличие элементов зороастрийского мировоззрения, в частности на это может указывать разжигание огромных кострищ в процессе совершения погребально-поминальных обрядов. Это может быть связано с сопровождением душ умерших очистительным огнем.

Выявленные на территории Жетысу курганы, подобные кургану № 2 могильника Таугуль-3, позволяют предположить практику проведения ритуала окуривания участников похорон, очищение огнем и дымом сакрализованного пространства.осу-

щественно это разжиганием очистительного огня с сильным дымом в специальной яме рядом с погребальной камерой или непосредственно в могиле.

В целом, исследования сакских курганов на территории Жетысу, г. Алматы позволяют установить принципиальную схожесть, единство мифо-ритуального комплекса ранних кочевников Евразии, в частности, Жетысу, Южного Приуралья, Саяно-Алтая, Приаралья.

На основе наблюдений ряда погребальных комплексов установлено, что в сакских курганах впускные погребения расположены на одной меридиональной линии. Дромос с южной стороны кургана № 2 могильника Таугуль-3, по-нашему мнению, не является грабительским лазом. В этом случае следует допустить, что курган грабили через продолжительный промежуток времени, когда население уже не помнило или не знало о том, что южная яма под курганом не является захоронением (сменилось население?), т.е. оно является ритуальным. С этим соотносится вывод М. А. Очир-Горяевой – «... "грабительские" ходы в сакских и скифских курганах были проложены по меридиональной линии и использовались для проникновения в центр кургана и совершения важных обрядов». Для общения с умершими прорывали другой путь в могилу, не тот, который использовался по первому назначению захоронений [Очир-Горяева, 2016, с. 116–118]. В нашем случае вход с западной стороны (имитация дромоса) являлся символическим, либо использовали его поверхность, выложенную камнями. В этом плане любопытен дромос, пол которого находился на уровне «земли» и

был покрыт берестой, проложенный с западной стороны в кургане Салбык (Хакасия, V в. до н.э.) [Марсадилов, 2010, с. 11, 48].

Параметры могильной ямы северной конструкции № 3 позволили предположить, что там был похоронен ребенок либо подросток, что прослеживается на примере ряда других парных сакских курганных захоронений [Очир-Горяева, 2016, с. 126].

О том, что погребально-поминальный комплекс представляет собой сакральный комплекс, в частности, особое значение имеет конструкция № 1, косвенно свидетельствуют данные по ритуальным комплексам эпохи ранних кочевников Северного Казахстана.

Так, в «кургане» № 1 могильника Байкара (V–IV вв. до н.э.) зафиксированы коридоры в насыпи с севера и с юга, дромос с восточной стороны. Храм Байкара поверх насыпи из вальков был покрыт слоем глины и каменным панцирем. Вокруг насыпи был возведен каменный вал. «Курган» Сыгнак содержал обожженные участки, свидетельствующие о разжигании костров и их длительном горении, площадь была покрыта чистой глиной. На перемычке между ямой и колодцем на глубине 1 м от древней поверхности зафиксирован скелет собаки. Ее захоронение в какой-то мере проливает свет на характер захоронений собак в Таугуле: собака могла быть оставлена как искупительная жертва за ритуальное (?) вторжение (обезвреживание) культового сооружения. Структура этого «кургана» свидетельствует о том, что какое-то время «курган» стоял без перекрытия, до придания ему пирамидальной формы, вокруг проводились магические ритуалы, потом

проходил второй и третий этапы возведения насыпи. Такие объекты можно называть как «храм-святилище» [Хабдулина, 2016, с. 141–143].

Выявленные на уровне погребенной поверхности остатки каменного сооружения внутри конструкции № 2 могут косвенно свидетельствовать о сложном поэтапном погребально-поминальном обряде, в процессе которого какое-то время ямы могли стоять не засыпанными. В этом отношении интерес представляет выявленная на курганах могильников Покровский Лог-5 и Усть-Теплая (Алтай, пазырыкская культура, VI–III вв. до н.э.) традиция сооружения временной пирамидки из грунта, плоских камней, плиток и галек на жердяном настиле на уровне древней поверхности над незасыпанной могилой. Могильная яма, с лазом с южной стороны, не засыпалась. Получался курган-склеп с крепидой и округлой пирамидкой высотой 1,2–1,3 м [Шульга, 2003, рис. 59, 2]. П. И. Шульга говорит о шатровых конструкциях VI–IV вв. до н.э. в памятниках Алтайского края, в саргатской, гороховской и других культурах [Шульга, 2003, с. 101]. Могильная яма внутри конструкции № 2 также была перекрыта бревнами, но предполагаемое куполообразное сооружение стояло не непосредственно на бревнах перекрытия, а на слое суглинка поверх дерева.

Заслуживает внимания и тот факт, что надмогильное сооружения из камня, помимо ограды, возведено внутри конструкции № 2, которое, без сомнения, являлось погребением. Над конструкцией № 1, которое мы не считаем могилой, находилось безинвентарное погребение человека.

Такие погребения могут трактоваться как жертвоприношение, связанное с основным захоронением [Яблонский, 2010, с. 61].

Выводы

Предварительный анализ полученных данных позволяет заключить, что необходимо проведение более тщательного его сопоставления с имеющимися сведениями по археологии раннего железного века казахских степей и сопредельных регионов. В настоящее время дромосы и некоторые другие элементы, рассмотренные в настоящей статье, известны в материалах памятников из Жетысу, Тарбагатая, Алтая, Сарыарки, Приуралья, что не только расширяет границы поисков, но и ставит новые вопросы, затрагивающие многие аспекты – реконструкции погребального обряда, религиозно-мифологических представлений, миграции племен, контактов населения и др. [Бейсенов, 2015; Weisenov et al., 2017; Лукпанова, 2020; Сеитов, 2017; Толеубаев и др., 2020; и др.].

Обзор некоторых аналогий погребальному обряду, зафиксированному на могильнике Таугуль-3, позволяет установить параллели в ряде памятников Жетысу, Южного Приуралья, Алтая. Они фиксируются не только как элементы погребально-поминальных конструкций, но и как составляющие цикла ритуальных действий, демонстрирующие общность представлений ранних кочевников о жизни и смерти. Курганы, подобные описанному, могут, видимо, трактоваться как своего рода святилища, действовавшие сравнительно недолго.

Предварительно курган можно датировать V–III вв. до н.э.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Акишев К.А., Акишев А.К.* Проблема хронологии раннего этапа сакской культуры // Археологические памятники Казахстана / отв. ред. К.А. Акишев. Алма-Ата: «Наука» КазССР, 1978. С. 38–63.
2. *Амиров Е.Ш.* Археологические исследования на могильнике Улжан (предварительные итоги) // Известия НАН РК. Сер. обществ. наук. 2008. № 1. С. 29–34.
3. *Байпаков К.М., Воякин Д.А.* Выдающиеся археологические памятники Казахстана. Алматы: ТОО Изд-во «Асыл сөз», 2014. 504 с.
4. *Байпаков К.М., Воякин Д.А., Захаров С.В.* Могильник Каратума. Некрополь раннего железного века в Семиречье. Алматы: ТОО «Археологическая экспертиза», 2016. 672 с.: ил.
5. *Бейсенов А.З.* Поселения и могильники сакской эпохи Центрального Казахстана // Сакская культура Сарыарки в контексте изучения этносоциокультурных процессов Степной Евразии. Сб. научн. ст., посвящ. памяти археолога К.А. Акишева / отв. ред. А.З. Бейсенов. Алматы: НИЦИА «Бегазы-Тасмола», 2015. С. 11–38.
6. *Бейсенов А.З., Джумабекова Г.С., Базарбаева Г.А.* Путь к изучению древностей центра страны: история создания первой археологической экспедиции Казахской Академии наук // Археологическое наследие Центрального Казахстана: изучение и сохранение: сб. науч. ст., посвящ. 70-летию организации ЦКАЭ Академии наук Казахстана. В 2-х тт. / Отв. ред. А.З. Бейсенов, В.Г. Ломан. Алматы: НИЦИА «Бегазы-Тасмола», 2017. Т. 1. С. 11–64.
7. *Гасс А.* К проблеме изучения памятников раннего железного века Юго-Восточного Семиречья в свете данных геоархеологических исследований // АЭАЕ. 2011. № 3 (47). С. 57–69.
8. *Горячев А.А.* Могильник раннего железного века археологического комплекса в верховьях ущелья Тургенъ // Известия НАН РК. Сер. обществ. наук. 2007. № 1. С. 3–14.
9. *Горячев А.А.* Об устройстве поселений раннего железного века Жетысу // ПА. 2019. № 3 (29). С. 80–99. DOI: <https://doi.org/10.24852/pa2019.3.29.80.99>
10. *Гуцалов С.Ю.* Волчье племя (к семантике образа волка в искусстве древних кочевников Южного Урала) // Древности Евразии: от ранней бронзы до раннего средневековья. Памяти В.С. Ольховского: сб. статей / гл. ред. В.И. Гуляев. М.: Институт археологии РАН, 2005. С. 437–447.
11. *Гуцалов С.Ю.* Погребальные памятники кочевой элиты Южного Приуралья середины I тыс. до н.э. // АЭАЕ. 2007. № 2 (30). С. 75–92.
12. 10-летие «Археологической экспертизы». URL: <https://www.archeology.kz/ru/2044-kyrgauyldy.html>
13. *Джумабекова Г.С., Базарбаева Г.А.* О раннем железном веке Жетысу: некоторые итоги систематизации данных // Археологія і давня історія України. 2018. Вип. 2 (27). С. 469–484.
14. *Дүйсенгали М.Н., Бисембаев А.А., Мамедов А.М.* Новые памятники ранних кочевников Илекского локального микрорайона (предварительное сообщение) // Этнические взаимодействия на Южном Урале. Сарматы и их окружение: м-лы VII Всерос. (с междунар. участием) науч. конф. (г. Челябинск, 27–28 ноября 2017 г.). / отв. ред. А.Д. Таиров. Челябинск: ЮУрГУ, 2017. С. 38–43.
15. *Исмагилов Р.Б.* Сарматское окно в Европу // Актуальные проблемы древней истории и археологии Южного Урала / ред. Н. А. Мажитов, М. Ф. Обыденнов. Уфа: Восточный университет, 1996. С. 32–71.

16. *Итина М.А., Яблонский Л.Т.* Саки Нижней Сырдарьи (по материалам могильника Южный Тагискен). М.: «Российская политическая энциклопедия», 1997. 187 с.: ил.
17. *Кадырбаев М.К.* Курганные некрополи верховьев р. Илек // Древности Евразии в скифо-сарматское время: сб. ст. / под ред.: А.И. Мелюковой, М.Г. Мошковой, В.Г. Петренко. М.: Наука, 1984. С. 84–93.
18. *Лукпанова Я.А.* Раннесакские памятники Южного Приаралья // Казахстан в сакскую эпоху. Коллективная монография / отв. ред. А.З. Бейсенов. Алматы: Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 2017. С. 179–190.
19. *Лукпанова Я.А.* Женщины «племени воинственного, свободного, непокорного» // Образ женщины в отражении веков: по материалам из Большого Тургая и сопредельных регионов. Коллективная монография / отв. ред. Г.А. Базарбаева, Г.С. Джумабекова. Алматы: Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 2020. С. 108–131.
20. *Марсадоллов Л.С.* Большой Салбыкский курган в Хакасии. Абакан: Хакаское книжное издательство, 2010. 128 с.: ил.
21. Металлические котлы ранних кочевников Жетысу. Коллективная монография / отв. ред. Г.С. Джумабекова, Г.А. Базарбаева. Алматы: Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 2017. 282 с.
22. *Мышкин В.Н.* Погребальная обрядность социальной элиты кочевников Самаро-Уральского региона в VI-V вв. до н.э. (к проблеме формирования прохоровской культуры) // Погребальный обряд ранних кочевников Евразии. Материалы и исследования по археологии Юга России. Вып. III. Сб. ст. Ростов-на-Дону: Изд-во ЮНЦ РАН, 2011. С. 318–334.
23. На костях предков. Репортаж Н. Пляскиной. Официальный сайт газеты «Время». 03.10.2009. URL: <https://time.kz/news/archive/2009/10/03/12740>
24. *Очир-Горяева М.А.* Древние всадники степей Евразии. М.: Таус, 2012. 472 с.
25. *Очир-Горяева М.А.* Следы постпогребальных обрядов в курганах скифской эпохи степей Евразии // Древние некрополи и поселения: постпогребальные ритуалы, символические захоронения и ограбления. Труды ИИМК РАН. 2016. Т. 46. С. 113–128.
26. *Папанова В.А.* Поминально-погребальные обряды некрополя Ольвии, связанные с культом хтонических богов и героев // НПФЗДУ. 2004. Вип. 18. С. 296–299.
27. *Парцингер Г., Гасс А., Фассбиндер Й.* У подножия «царских курганов». Новейшие археологические и геофизические исследования // Наука из первых рук. 2015. № 4 (64). С. 86–101.
28. *Самашев З.* Берел. Berel. Алматы: «Таймас», 2011. 236 с.
29. *Самашев З., Григорьев Ф., Жумабекова Г.* Древности Алматы. Алматы: ТОО «Археология», 2005. 184 с.
30. *Самашев З., Наглер А., Парцингер Г., Наврот М.* Совместные германско-казахские исследования больших сакских курганов Семиречья // Пятая Кубанская археологическая конференция: м-лы конф. Краснодар: Кубанский госуниверситет, 2009. С. 350–352.
31. *Сдыков М.Н.* Степная пирамида. Уральск: «Полиграфсервис», 2008. 264 с.
32. *Сеитов А.М.* Древние кочевники Тургая середины I тыс. до н.э. – середины I тыс. н.э. // Культура населения Тургая и сопредельных регионов: человек и эпоха. Коллективная монография / отв. ред. Г.А. Базарбаева, Г.С. Джумабекова. Алматы: Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 2017. С. 182–206.
33. *Сейткалиев М.К.* Неординарный погребальный комплекс из могильника Каратобе в Западном Казахстане // Stratum plus. 2014. № 4. С. 141–148.

34. *Синика В.С.* О культе собаки у скифского населения Северного Причерноморья в VI–II вв. до н.э. // Международные отношения в бассейне Черного моря в скифо-античное время: сб. ст. по м-лам XI Междунар. науч. конф. Ростов-на-Дону: Ростовский государственный педуниверситет, 2006. С. 58–60.

35. *Сиротин С.В.* Погребальные конструкции кургана № 12 могильника Переволочан I // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2014. № 9 (47): в 2-х ч. Ч. I. С. 152-154.

36. *Сорокин С.С.* Большой Берельский курган (полное издание материалов раскопок 1865 и 1959 гг.) // ТГЭ. 1969. Т. 10. С. 207–227.

37. *Тайбаева К.И.* К семантике входов и дромосов в срубных конструкциях ранних кочевников Внутреннего Тянь-Шаня // Древние некрополи — погребально-поминальная обрядность, погребальная архитектура и планировка некрополей. Труды ИИМК РАН. 2018. Т. 47. С. 71–78.

38. *Толубаев А.Т., Жуматаев Р.С., Омаров Г.К., Шакенов С.Т., Бесетаев Б.Б., Ергабылов А.Е.* Результаты археологических исследований 2019 г. на могильнике Елеке сазы 2 // Маргулановские чтения – 2020: м-лы междунар. науч.-практ. конф. «Великая Степь в свете археологических и междисциплинарных исследований» (г. Алматы, 17–18 сентября 2020 г.). Алматы: Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 2020. Т. 2. С. 172–197.

39. *Троицкая Т.Н., Шишкин А.С.* О некоторых погребениях животных в Новосибирском Приобье // ВИАЭ. 2004. № 4. С. 114–118.

40. *Хабдулина М.К.* Храмы-святилища сакской эпохи Северного Казахстана // Религия и система мировоззрений древних и средневековых кочевников Евразии: сб. науч. ст. Алматы: Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 2016. С. 137–148.

41. *Христановский В.А.* Жертвоприношение в погребально-поминальной обрядности европейского Боспора II в. до н.э. – IV в. н.э. (по материалам археологических раскопок некрополей Илурата и Китея) // Жертвоприношение: Ритуал в культуре и искусстве от древности до наших дней. М.: «Языки русской культуры», 2000. С. 241–252.

42. *Шульга П.И.* Могильник скифского времени Локоть-4а. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2003. 204 с., ил.

43. *Яблонский Л.Т.* Новые раскопки Филипповского I могильника // Археология Восточно-Европейской степи / В.А. Лопатин (ред.). Саратов: «Научная книга», 2008. Вып. 6. С. 253–268.

44. *Яблонский Л.Т.* Прохоровка. У истоков сарматской археологии. М.: ТАУС, 2010. 384 с.: ил.

45. *Яблонский Л.Т.* Погребальный обряд ранних кочевников Приуралья переходного времени и вопросы археологической периодизации памятников // Погребальный обряд ранних кочевников Евразии: материалы и исследования по археологии юга России. Ростов-на-Дону: Изд-во ЮНЦ РАН, 2011. Вып. 3. С. 235–240.

46. *Яблонский Л.Т.* Сарматы – ранние «восточные европеоиды»: время, экологические обстоятельства и ареал формирования физического типа // Сарматы и внешний мир. (УАВ. Вып. 14). 2014. С. 250–256.

47. *Beisenov A.Z., Kreshioli L., Jumabekova G.S., Bazarbayeva G.A. Barinova E.* The Early Iron Age burial ground Kaspan-6 in Jetysu // Theory and practice of archaeological research. 2017. Vol. 18. № 2. P. 97–108. DOI: [https://doi.org/10.14258/tpai\(2017\)2\(18\).-09](https://doi.org/10.14258/tpai(2017)2(18).-09)

REFERENCES

1. Akishev, K. A., Akishev, A. K. 1978. In: Akishev, K. A. (ed.). *Arheologicheskie pamyatniki Kazahstana (Archaeological monuments of Kazakhstan)*. Alma-Ata: "Nauka" KazSSR, 38–63 (in Russian).
2. Amirov, E. Sh. 2008. In: *Izvestiya NAN RK. Seriya obshchestv. nauk (Bulletin of the National Academy of Sciences of the Republic of Kazakhstan. Social Science Series)*, 1, 29–34 (in Russian).
3. Baipakov, K. M., Voyakin, D. A. 2014. *Vydayushchiesya arheologicheskie pamyatniki Kazahstana (Great archaeological sites of Kazakhstan)*. Almaty: "Asyl soz" Publ. (in Russian).
4. Baipakov, K. M., Voyakin, D. A., Zakharov, S. V. 2016. *Mogilnik Karatuma. Nekropol rannego zheleznoogo veka v Semirechie (Burial ground of Karatuma. Necropolis of the Early Iron Age in Semirechye)*. Almaty: "Arheologicheskaya ekspertiza" (in Russian).
5. Beisenov, A. Z. 2015. In: Beisenov, A. Z. (ed.). *Sakskaya kultura Saryarki v kontekste izucheniya etnosociokulturnykh processov Stepnoy Evrazii (Sak culture of Saryarka in the context of studying the ethnosocial and cultural processes of Steppe Eurasia)*. Almaty: "Begazy-Tasmola" Publ., 11–38 (in Russian).
6. Beisenov, A. Z., Jumabekova, G. S., Bazarbayeva, G. A. 2017. In: Beisenov, A. Z., Loman, V. G. (eds.). *Arheologicheskoe nasledie Centralnogo Kazahstana: izuchenie i sohranenie (Archaeological heritage of Central Kazakhstan: study and preservation)*, t. 1. Almaty: "Begazy-Tasmola", 11–64 (in Russian).
7. Gass, A. 2011. In: *Archeology, ethnography and anthropology of Eurasia*, 3 (47), 57–69 (in Russian).
8. Goryachev, A. A. 2007. In: *Izvestiya NAN RK. Ser. obshchestv. nauk (News of the NAS RK. Ser. societies sciences)*, 1, 3–14 (in Russian).
9. Goryachev, A. A. 2019. In: *Povolzhskaya arheologiya (The Volga river region Archaeology)*, 3 (29), 80–99 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.24852/pa2019.3.29.80.99>
10. Gutsalov, S. Yu. 2005. In: Gulyaev, V. I. (ed.). *Drevnosti Evrazii: ot ranney bronzy do rannego srednevekoviya (Antiquities of Eurasia: from the Early Bronze to the Early Middle Ages)*. Moscow: Institute of Archeology RAS, 437–447 (in Russian).
11. Gutsalov, S. Yu. 2007. In: *Archeology, ethnography and anthropology of Eurasia*, 2 (30), 75–92 (in Russian).
12. 10-letie «Arheologicheskoy ekspertizy» (10th anniversary of the "Archaeological expertise"). URL: <https://www.archeology.kz/ru/2044-kyrgauyldy.html>
13. Jumabekova, G. S., Bazarbayeva, G. A. 2018. In: *Arheologiya i davnya istoriya Ukraini (Archaeology and Early History of Ukraine)*, 2 (27), 469–484 (in Russian).
14. Duisengali, M. N., Bisembayev, A. A., Mamedov, A. M. 2017. In: Tairov, A.D. (ed.). *Etnicheskie vzaimodeystviya na Yuzhnom Urale (Ethnic interactions in the Southern Urals)*. Chelyabinsk: South Ural State University, 38–43 (in Russian).
15. Ismagilov, R. B. 1996. In: Mazhitov, N. A., Obydenov, M. F. (eds.). *Aktualnye problemy drevney istorii i arheologii Yuzhnogo Urala (Actual problems of ancient history and archeology of the South Ural)*. Ufa: Vostochnyi universitet, 32–71 (in Russian).
16. Itina, M. A., Yablonskiy, L. T. 1997. *Saki Nizhney Syrdarii (po materialam mogilnika Yuzhnyi Tagisken) (Sakas of the Lower Syrdarya (based on materials from the Yuzhnyi Tagisken burial ground))*. Moscow: "Rossiyskaya politicheskaya enciklopediya" (in Russian).
17. Kadyrbayev, M. K. 1984. In: Melyukova, A. I., Moshkova, M. G., Petrenko, V. G. (eds.). *Drevnosti Evrazii v skifo-sarmatskoe vremya (Antiquities of Eurasia in the Scythian-Sarmatian time)*. Moscow: "Nauka" Publ., 84–93. (in Russian).

18. Lukpanova, Ya. A. 2017. In: Beisenov, A. Z. (ed.). *Kazakhstan v sakskeyu epohu (Kazakhstan in the Saka era)*. Almaty: A. Kh. Margulan Institute of Archeology, 179–190 (in Russian).
19. Lukpanova, Ya. A. 2020. In: Bazarbayeva, G. A., Jumabekova, G. S. (eds.). *Obraz zhenshchiny v otrazhenii vekov: po materialam iz Bolshogo Turgaya i sopredelnykh regionov (The image of woman reflected in centuries: A case study from Great Turgay and neighbouring regions)*. Almaty: A.Kh. Margulan Institute of Archaeology, 108–131 (in Russian).
20. Marsadolov, L. S. 2010. *Bolshoy Salbykский kurgan v Hakasii (Bolshoy Salbyk Kurgan in Khakassia)*. Abakan: Hakasskoe knizhnoe izdatelstvo (in Russian).
21. Jumabekova, G. S., Bazarbayeva, G. A. (eds.). 2017. *Metallicheskie kotly rannih kochevnikov Zhetysu (Metal cauldrons of the Early nomads of Zhetysu)*. Almaty: A. Kh. Margulan Institute of Archeology (in Russian).
22. Myshkin, V. N. 2011. In: *Pogrebalnyy obryad rannih kochevnikov Evrazii. Materialy i issledovaniya po arheologii Yuga Rossii. Vyp. III (Burial rite of the early nomads of Eurasia. Materials and research on archeology of the South of Russia. Issue III)*. Rostov on Don: South scientific centre RAS, 318–334 (in Russian).
23. Na kostyah predkov. Reportazh N. Plyaskinoy. Oficialnyi sayt gazety “Vremya”. 03.10.2009. URL: <https://time.kz/news/archive/2009/10/03/12740> (in Russian).
24. Ochir-Goryaeva, M. A. 2012. *Drevnie vsadniki stepey Evrazii (Ancient horsemen of the Eurasian steppes)*. Moscow: “Taus” Publ. (in Russian).
25. Ochir-Goryaeva, M. A. 2016. In: *Drevnie nekropoli i poseleniya: postpogrebalnye ritualy, simvolicheskie zahoroneniya i ogrableniya. Trudy IIMK RAN (Ancient necropolises and settlements: post-burial rituals, symbolic burials and robberies. Proceedings of the Institute for the History of Material Culture of the RAS)*, t. 46, 113–128 (in Russian).
26. Papanova, V. A. 2004. In: *Naukovi praci istorichnogo fakultetu Zaporizkogo derzhavnogo universitetu (Scientific Bulletin of the Faculty of History of Zaporizhzhya State University)*, 18, 296–299 (in Russian).
27. Parzinger, H., Gass, A., Fassbinder, J. 2015. In: *Nauka iz pervykh ruk (Science First Hand)*, 4 (64), 86–101 (in Russian).
28. Samashev, Z. 2011. *Berel*. Almaty: “Taymas” Publ. (in Russian).
29. Samashev, Z., Grigoriev, F., Jumabekova, G. 2005. *Drevnosti Almaty (Antiquities of Almaty)*. Almaty: LTD “Archaeology” (in Russian).
30. Samashev, Z., Nagler, A., Parzinger H., Navrot, M. 2009. In: *Pyataya Kubanskaya arheologicheskaya konferenciya (Fifth Kuban archaeological conference)*. Krasnodar: Kuban State University, 350–352 (in Russian).
31. Sdykov, M. N. 2008. *Stepnaya piramida (Steppe pyramid)*. Uralsk: “Poligrafservis” Publ. (in Russian).
32. Seitov, A. M. 2017. In: Bazarbayeva, G. A., Jumabekova, G. S. (eds.). *Kultura naseleniya Turgaya i sopredelnykh regionov: chelovek i epokha (Culture of the population of Turgay and adjacent regions: man and era)*. Almaty: A.Kh. Margulan Institute of Archaeology, 182–206 (in Russian).
33. Seytkaliev, M. K. 2014. In: *Stratum plus*, 4, 141–148 (in Russian).
34. Sinika, V. S. 2006. In: *Mezhdunarodnye otnosheniya v bassejne Chernogo morya v skifo-antichnoe vremya (International relations in the Black Sea basin in the Scythian-antique time)*. Rostov on Don: Rostov State Pedagogical University, 58–60 (in Russian).
35. Sirotin, S. V. 2014. In: *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kulturologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki (Historical, philosophical, political and legal sciences, cultural studies and art history. Questions of theory and practice)*, 9 (47): in 2-parts. P. 1, 152–154 (in Russian).
36. Sorokin, S. S. 1969. In: *Trudy Gosudarstvennogo Ermitazha (The Proceedings of State Hermitage)*, 10, 207–227 (in Russian).

37. Tashbayeva, K. I. 2018. In: *Drevnie nekropoli — pogrebalno-pominalnaya obryadnost, pogrebalnaya arhitektura i planirovka nekropolej. Trudy IIMK RAN (Ancient necropolises – funeral and memorial rites, burial architecture and planning of necropolises. Proceedings of the Institute for the History of Material Culture of the RAS)*, t. 47, 71–78 (in Russian).
38. Toleubayev, A. T., Zhumatayev, R. S., Omarov, G. K., Shakenov, S. T., Besetayev, B. B., Ergabylov, A. E. 2020. *Margulanovskie chteniya – 2020 (Margulan readings – 2020)*, vol. 2, 172–197. Almaty: A.Kh. Margulan Institute of Archaeology (in Russian).
39. Troitskaya, T. N., Shishkin, A. S. 2004. In: *Vestnik arheologii, antropologii i etnografii (Bulletin of Archeology, Anthropology and Ethnography)*, 4, 114–118 (in Russian).
40. Khabdulina, M. K. 2016. In: *Religiya i sistema mirovozzreniy drevnih i srednevekovykh nomadov Evrazii (Religion and the system of worldviews of ancient and medieval nomads of Eurasia)*. Almaty: A.Kh. Margulan Institute of Archeology, 137–148 (in Russian).
41. Khrshanovskiy, V. A. 2000. In: *Zhertvoprinoshenie: Ritual v kulture i iskusstve ot drevnosti do nashih dney (Sacrifice: Ritual in culture and art from antiquity to the present day)*. Moscow: “Yazyki russkoy kultury”, 241–252 (in Russian).
42. Shulga, P. I. 2003. *Mogilnik skifskogo vremeni Lokot-4a (Burial ground of the Scythian time Lokot-4a)*. Barnaul: Altay University Publ. (in Russian).
43. Yablonskiy, L. T. 2008. In: Lopatin, V. A. (ed.). *Arheologiya Vostochno-Evropejskoy stepi (Archeology of the East European steppe)*, 6. Saratov: “Nauchnaya kniga”, 253–268 (in Russian).
44. Yablonskiy, L. T. 2010. *Prokhorovka. U istokov Sarmatskoy arheologii (Prokhorovka. At the origins of Sarmatian archeology)*. Moscow: “TAUS” Publ. (in Russian).
45. Yablonskiy, L. T. 2011. In: *Pogrebalnyi obryad rannih kochevnikov Evrazii: materialy i issledovaniya po arheologii yuga Rossii (Burial rite of the Early nomads of Eurasia: materials and research on the archeology of Southern Russia)*. Rostov on Don: South scientific centre RAS, 3, 235–240 (in Russian).
46. Yablonskiy, L. T. 2014. In: *Sarmaty i vneshtniy mir. Ufimskiy arheologicheskiy vestnik. (Sarmatians and the outside world. (Ufa Archaeological Bulletin))*, 14, 250–256 (in Russian).
47. Beisenov, A. Z., Kreshioli, L., Jumabekova, G. S., Bazarbayeva, G. A. Barinova, E. 2017. In: *Theory and practice of archaeological research*, 2 (18), 97–108. DOI: [https://doi.org/10.14258/tpai\(2017\)2\(18\).-09](https://doi.org/10.14258/tpai(2017)2(18).-09) (in English).

Мүдделер қактығысы туралы ақпаратты ашу. Авторлар мүдделер қактығысының жоқтығын мәлімдейді.
/ Раскрытие информации о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.
/ Disclosure of conflict of interest information. The authors claims no conflict of interest.

Мақала туралы ақпарат / Информация о статье / Information about the article.
Редакцияға түсті / Поступила в редакцию / Entered the editorial office: 09.11.2020.
Рецензенттер мақұлдаған / Одобрено рецензентами / Approved by reviewers: 16.11.2020.
Жариялауға қабылданды / Принята к публикации / Accepted for publication: 23.11.2020.